

Баженов Станислав Сергеевич**Bazhenov Stanislav Sergeevich**

соискатель кафедры теории и социологии управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

External PhD student,
Theory and Sociology of Management Department,
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЦЕННОСТНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИИ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ УРАЛЬСКИХ СОЦИОЛОГОВ)

THE NATIONAL IDEA OF RUSSIA AS A DETERMINANT OF VALUE CONSOLIDATION OF RUSSIAN YOUTH AND THE ROLE OF THE STATE IN ITS DETERMINATION (BASED ON URAL SOCIOLOGISTS DATA)

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению значимости формирования национальной идеи со стороны государства, на основе которой может осуществляться консолидация разных социальных групп современного российского общества, прежде всего молодежи. Выполнен анализ подходов к пониманию сути национальной идеи, представленных в отраслях социально-гуманитарного знания (социологической, политологической, управленческой). На основе изучения вторичных социологических данных дана характеристика гражданской и ценностной идентификации отечественной молодежи, обоснована позиция автора по рассматриваемой проблематике. Для выявления роли национальной идеи как фактора консолидации молодых людей в условиях современности значимым представляется определение трансформации ценностных ориентаций молодежных поколенческих подгрупп в период с конца XX в. до наших дней. Вторичными данными для такого анализа выступают когортные исследования уральских социологов о социальном самочувствии студентов, проведенные под руководством Ю.Р. Вишневского и Л.Я. Рубиной с конца XX в. до настоящего времени.

Ключевые слова:

национальная идея, социальная конкуренция, ценностная консолидация, социальные сети, молодежь, самоидентификация, цивилизационный подход, патриотизм.

Summary:

The research considers the significance of generating the national idea by the state which should be the basis for consolidation of different social groups of contemporary Russian society, primarily the youth. The paper analyzes the approaches to understanding the national idea in the branches of social and humanities knowledge (sociological, political, management ones). Studying the secondary sociological data, the author describes civic and value identification of Russian youth and substantiates his views in this regard. To identify the role of the national idea as a factor in the consolidation of young people in the modern context, it is relevant to determine the transformations of young subgroups' values from the end of the 20th century to the present. The cohort studies into students' social well-being conducted by Ural sociologists under the guidance of Yu.R. Vishnevsky and L.Ya. Rubina in the above-mentioned period are the secondary data for such analysis.

Keywords:

national idea, social competition, value consolidation, social networks, youth, self-identification, civilizational approach, patriotism.

В нашем обществе не прекращается активное обсуждение вопроса о необходимости некой национальной идеи, несущей фундаментальные ценности, на базе которых было бы возможно единение различных социальных групп и общностей. Широко представленная в средствах массовой информации инициатива обсуждения этой проблемы проявляется со стороны политических сил страны и заинтересованных экспертов разных отраслей научных знаний, представителей гражданского общества, приобретающего в последнее время в современной России возрастающее влияние, а также лидеров религиозных конфессий. Особенностью данного дискурса представляется тот факт, что востребованность национальной идеи никем не оспаривается, поскольку она должна служить сохранению уникальности и самобытности российской цивилизации, учитываться при формировании вектора развития государства и быть неотъемлемым ценностным ориентиром для социума.

Однако при этом специалисты не могут прийти к единому мнению относительно содержания и формы реализации принципов, вытекающих из национальной идеи. Споры идут вокруг понимания того, какие категории могли бы стать объединяющими для современных людей, населяющих территориальное пространство нашей страны, но имеющих неодинаковый культурный, образовательный, имущественный и финансовый статус, играющих зачастую противоположные

социальные роли в современном обществе потребления, демонстрирующих самые разные ценностные ориентации, принадлежащих к разным возрастным и поколенческим группам, обладающих непохожими притязаниями и разделенных наличием социальной конкуренции.

Дискуссионность проблемы определяется и тем, что поиск национальной идеи осуществляется носителями различных политико-идеологических взглядов. Несмотря на то что предлагаемые ими идеи имеют то или иное теоретическое и прикладное обоснование, не все из них воспринимаются населением одинаково и, соответственно, не в равной мере поддерживаются. Напротив, среди широкого спектра этих идей есть те, которые активно отторгаются. Любое навязывание той или иной идейно-теоретической конструкции в условиях отсутствия консенсуса может повлечь за собой неприятие со стороны той или иной части общества и проявиться в разных формах протестной активности.

На наш взгляд, одной из наиболее ярких современных научных работ, посвященных данной теме, является «Национальная идея России» под общей редакцией С.С. Сулакшина, опубликованная в шести томах в 2012 г. [1]. Она послужила центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, представляя собой научный макет новой Конституции страны. Рефлексируя по поводу содержания этой книги, следует обратить внимание на то, что национальная идея не должна нести в себе нацеленность на постоянную последовательность реформ и преобразований, напротив – она должна хранить и возвеличивать традиции историко-культурного наследия, базируясь на принципах стабильности и уважения к прошлому. Изменение государственной Конституции мы не можем отнести к стремлению сохранить исторические корни России. Конечно, следует оговориться, что отрицание любой возможности совершенствования законодательных актов является контрпродуктивным. Однако никакие преобразования не должны разворачивать государственный вектор на 180 градусов, размывая ценности граждан и вырывая корни их национального самосознания. Ведь старшее поколение имеет возможность осуществлять сравнительный анализ между эпохами, в которых протекала их жизнь: советским прошлым, перестройкой, периодами новой России и ее новейшей истории. Молодежь, проводя сознательную часть жизни в состоянии патологических перемен, в режиме экономического доминирования общества потребления, не имеет возможности предпринять подобное сопоставление.

В результате постоянных перемен Россия в глобальном смысле дезориентирована, молодое поколение опирается на ценностные ориентации, сформированные в условиях новой социальной реальности. Нередко эти векторы остаются противоречивыми и ложными. В качестве примера обратимся к итогам исследований группы уральских ученых, опубликованных в коллективной монографии «Социальное самочувствие молодежи Свердловской области» [2, с. 63].

Одним из важных факторов социального самочувствия молодых людей авторы указанной работы признают социальную самоидентификацию, самоотнесение к одной или нескольким социальным группам. По итогам опроса 2015 г. получены любопытные данные. Подавляющее число респондентов (42 %) определили себя как «гражданин России». Является ли это следствием усиления патриотической составляющей в сознании молодых людей в результате политики государства (проведения Олимпийских игр в Сочи, изменения акцента внешней политики в сторону укрепления положения России на мировой арене, присоединения Крыма к России и т. д.)? Мы склонны считать, что да.

Столько же опрошенных (42 %) дали ответ «просто человек». Мы считаем тревожным знаком, что молодые люди, получающие профессию, стремящиеся к успеху, строящие семью, идентифицируют себя только по элементарному биологическому признаку. Возможно, данная оценка излишне строга, но дальнейшие показатели говорят сами за себя: профессиональная идентификация (врач, учитель, металлург и т. д.) определена только у 2 % участников опроса, религиозная составляющая самоидентификации наблюдается также у 2 %. Уникальная региональная составляющая, основанная на этническом (7 %), конфессиональном (2 %) факторах или самобытности, проистекающей из культурно-географического происхождения (уралец, сибиряк, житель региона, города, села и т. д.), отмечена лишь у 3 % респондентов. Свой статус в семье (мать, сын, внук и т. д.) назвали всего 7 % представителей молодого поколения, зато «гражданином мира» с присутствием молодым людям максимализмом провозгласили себя 10 % опрошенных, что обусловлено возрастающей мировой глобализацией.

Еще один повод для озабоченности появился после того, когда только в 1 % ответов свой статус опрошенные идентифицировали как «житель виртуального мира». Сегодня люди, приходя в публичное место, сидя друг напротив друга, не говоря ни слова, увлечены облачным содержимым электронных гаджетов, а в обществе бытует мнение, что звонить по телефону не совсем вежливо, ведь звонок может быть несвоевременным, поэтому лучше написать сообщение в одном из виртуальных мессенджеров. Кроме того, большая часть СМИ имеет приоритет медиаактивности в Интернете перед традиционными бумажными источниками, а для многих молодых людей абсолютно

нормально не иметь дома телевизора или радиоприемника, поскольку всю необходимую информацию как новостного, так и развлекательного характера они получают из Сети [3]. Поэтому такой ответ респондентов может свидетельствовать о том, что молодежь либо сознательно отрицает возрастающее влияние на них виртуального пространства, либо не понимает реального значения Интернета в жизни современного мира, в том числе негативного потенциала, который он несет. Речь здесь идет не о морально-психологической деформации личности, а о наличии прикладных опасностей виртуальной реальности, когда вся жизнь индивида систематизирована в алгоритмы и занесена в электронные протоколы.

Дезориентация гражданина – опаснейшее для государства состояние, имеющее негативный потенциал, способный привести к распаду страны. Признаки, подтверждающие данное суждение, обнаруживаются в повседневной жизни. Сегодня наиболее константным и одобряемым фактором современного общества является наличие у молодого человека ценностных ориентиров, отражающих удовлетворение потребительского запроса. Остальное если не отрицается, выступая в качестве помехи к достижению главного, то просто не воспринимается, либо воспринимается, но не в полной мере и не всеми представителями данной социальной группы.

В.А. Ружа в работе «Представления студентов о Родине и формирование патриотизма» анализирует отношение в студенческой среде к данному явлению на основе эмпирических исследований [4]. Отдельной строкой выделен День Победы в Великой Отечественной войне как консолидирующий фактор и критерий определения уровня патриотических настроений у студентов. Интересно восприятие молодыми людьми самого термина «патриотизм». Подавляющее большинство опрошенных ответили, что патриотизм понимают как чувство гордости за свою страну, знание ее истории и осознание ответственности за происходящее в государстве. Значительно меньше было узких и конкретных ответов: принятие участия в общественно-политической жизни страны, добросовестное выполнение работы, ощущение себя хозяином в своих организации, городе, стране. Автор обращает внимание на то, что молодежь нередко проявляет себя пассивным наблюдателем и далеко не всегда выражает непосредственную готовность принимать активное участие в жизни России.

В работе Ю.Р. Вишневого и Л.Я. Рубиной «Социальный облик студенчества 90-х гг.» приводятся результаты социологических исследований, проведенных среди студентов третьего курса вузов Екатеринбурга [5]. Авторы отмечали, что «в ближайшем будущем политические настроения молодежи, как и то, с какими политиками она будет связывать свои ожидания, во многом станут зависеть от ее социального статуса, социокультурных установок и ценностей» [6]. Научная значимость данной статьи обусловлена определением отличительной черты студента 1990-х гг., которая делала его непохожим на советского обучающегося. Речь шла о том, что включение молодого человека в общественную жизнь происходило не только посредством его участия в процессе обучения и получения профессиональной подготовки, но и через формирование «независимых материально-бытовых условий, новых форм проявления собственной активности и путем выбора форм социального взаимодействия» [7]. Если в эпоху социалистического периода отечественной истории студент имел возможность заработать деньги собственным трудом в строительном отряде во время летних каникул, то для студента 1990-х гг. важно было иметь постоянный трудовой статус на протяжении всего времени обучения в вузе. Это связано с тем, что в самосознании студента существенное место занимают материальное положение и формируемый на его основе социальный статус в своей среде.

В основе любой теории лежат эмпирические исследования, и мы хотели бы упомянуть наиболее интересные данные, приведенные в рассматриваемой научной статье. «Если ранее факт закрепления молодых специалистов на рабочих местах вне связи с полученной профессиональной подготовкой трактовался однозначно негативно как процесс депрофессионализации» [8], то к концу 1990-х гг. анализ ценностных установок студенческой молодежи позволил выявить следующее противоречие. С одной стороны, в изучаемой среде наблюдалось снижение потребительской способности среди той части студентов, которые трудоустроились соответственно своему профессиональному направлению, с другой – фиксировалось повышение потребительских запросов, ради достижения которых другая часть студентов намеревалась развиваться и закрепляться в жизни, причем не всегда по специальности, получаемой в вузе. В связи с этим многие молодые люди (от 20 до 29 %) выразили неудовлетворенность выбранной специальностью и собственным вузом из-за ценностных установок, направленных на достижение высокого уровня комфорта и материального достатка. На этот факт указывает то, что 23 % обучающихся мечтали заниматься собственным бизнесом, а 42 % хотели бы работать по профилю полученного образования, но в коммерческом секторе экономики.

Кроме того, молодежь 1990-х гг. не стремилась реализовать компетенции в государственном секторе в отличие от поколения 2000-х гг., составляя всего 24 % от общей массы студентов.

Однако в XXI в. служение на государственных постах для молодых людей стало означать приобщение к экономическим ресурсам и процессам влияния на принятие административных решений, связанных с распределением финансовых и материальных благ [9]. Об этом свидетельствуют результаты последующих исследований.

Отдельного внимания заслуживает отношение студентов к политике, отраженное в рассматриваемой статье. Важнейшей детерминантой данного аспекта было ухудшение материального положения молодежи. «Все более значимыми становятся не столько общественные, сколько личностные ориентиры. Особенно это проявляется в представлениях молодых людей об успехе в жизни, что и используется социологами как индикатор их ценностных ориентаций» [10]. Можно констатировать, что приведенные утверждения остаются справедливыми и актуальными на сегодняшний день.

Интересно сравнить приведенные данные с упомянутой более поздней работой уральских ученых «Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 г.», где говорится, что «важнейший индикатор социального самочувствия молодежи – ориентация на успех ("достиженческая" стратегия). Многочисленные социологические исследования последнего времени показали, что именно эта стратегия сегодня для российской молодежи стала определяющей» [11]. Теперь молодые люди признают собственные навыки, способности и интеллект основой для формирования будущего успеха (49 %). Возрастает роль качественного образования, но не отрицаются высокая ценность знакомств и нужных связей, а также умение использовать любые средства, позволяющие добиться успеха (38 % опрошенных), что по-прежнему является индикатором одобрения со стороны молодого поколения нецивилизованных путей достижения цели.

Такие же противоречивые данные проявляются во взаимоисключающих ответах о факторах, дающих возможность добиться профессионального успеха: 34 % респондентов выделяют наличие профессионализма и деловых качеств как необходимый атрибут достижения цели. В то же время 25 % опрошенных выделяют в качестве соответствующих факторов деловую хватку и прагматизм. Это само по себе неплохо, но следует отметить, что экстраординарные «пробивные способности» не соседствуют с профессионализмом.

Кроме того, интересно отношение молодого поколения к успеху. «Если напомнить, что почти два из пяти готовы использовать для этого любые средства, то социальная основа девиантного поведения части молодежи становится очевидной. Как очевидной является и необходимость акцентировать именно нравственные аспекты воспитания молодежи» [12].

В рейтинге ценностных ориентаций наивысшую позицию занимают семья и дети (69 % от числа всех опрошенных), а также здоровье (55 %). На третьей строчке рейтинга находится «работа по душе», набравшая 33 %. Недооцененными остались такие ценности, как образованность и профессионализм (16 %), личная безопасность (13), общение с природой (9 %). На последнее место респонденты поставили «престиж, славу и власть» (6 %) [13].

Учитывает ли руководство государства приведенные данные? В научных дискуссиях часто звучит интерпретация национальной идеи, где прежде всего предлагается оттолкнуться от геополитических оснований территориального расположения России. Наша великая страна является супердержавой, вместившей в себе многогранность Европы и самобытность Азии. Российская Федерация – естественный мост, соединяющий две мировые цивилизации. Развивая данное утверждение, можно позволить себе выстроить в воображении некий вариативный образ государства. Россия – подвесной веревочный мост между Востоком и Западом, качающийся от легких порывов ветра перемен мировой политики и экономики, или мировой хаб – глобальный сетевой концентратор, представляющий собой центр мира?

Бесспорно, наша страна обязана стать глобальным посредником, в этом заключена ее миссия. Россия – одновременно и Европа, и Азия, ее задача не разделять и властвовать (*divide and rule*) [14], а консолидировать. Впрочем, политически это не исключает роли государства как буферной зоны, на которой лежит обязанность сдерживать столкновение цивилизаций: западной, представляемой Соединенными Штатами Америки, и восточной во главе с Китаем. Еще одна задача состоит в том, чтобы служить балансиром в актуальном для нашего века противостоянии христианского и исламского миров. При внешних взаимных толерантности и уважении оно выражено в искусственно синтезированном радикальном исламизме и международной террористической деятельности, финансируемой владельцами теневого капитала, заинтересованными в дестабилизации политической и экономической ситуации в мире. Россия – уникальное евразийское пространство, в котором имеют общие корни и исторически сосуществуют 193 разные нации и народности [15], христианство, ислам и буддизм.

От чего нужно отталкиваться при формировании национальной идеи? 23.07.2007 г. в немецком журнале «Шпигель» было опубликовано интервью с известным российским писателем А.И. Солженицыным [16]. На вопрос о том, нужна ли России национальная идея и что она может

собой представлять, он ответил следующее: «Термин "национальная идея" не имеет четкого научного содержания. Можно согласиться, что это – когда-то популярная идея, представление о желаемом образе жизни в стране, владеющее ее населением. Такое объединительное представление понятия может оказаться и полезным, но никогда не должно быть искусственно сочинено в верхах власти или внедрено насильственно. В обозримые исторические периоды подобные представления устоялись, например, во Франции (после XVIII в.), Великобритании, Соединенных Штатах, Германии, Польше и др.

Когда дискуссия о "национальной идее" довольно поспешно возникла в посткоммунистической России, я пытался охладить ее возражением, что, после всех пережитых нами изнурительных потерь, нам на долгое время достаточно задачи сбережения гибнущего народа» [17].

В контексте настоящей статьи объединяющую национальную идею для России можно определить по цивилизационному признаку. Имеет ли она общие корни с российским патриотизмом первых двух десятилетий XXI столетия? Насколько игра власти в неформальную политику с привлечением искусственно сформированных молодежных движений в противовес синтетической оппозиции может помешать кристаллизации реальной национальной идеи в умах граждан? Нужно ли ждать того момента, когда народ сам придет к объединяющей мысли, или государство должно продекларировать ее сверху и насильно потребовать у людей придерживаться нового вектора? Думается, что подобная формулировка звучит несколько некорректно. Во-первых, ни одна из навязанных ценностей не станет для народа таковой, не говоря уже о ее потенциальной объединяющей способности. Во-вторых, единство нации присутствует в сознании, это доказывает сплочение россиян в отношении к глобальным угрозам. Однако оно девальвировано массой внешних и внутренних дезориентирующих раздражителей: мощнейшей политической контрпропагандой; потерей коллективного самосознания; утратой традиций в пользу метаморфоз синтезированных искусства и быта; утопическим поиском альтернативной истины, разрывающей рамки реальности и здравого смысла; отрицанием биологических основ жизнедеятельности человека и подменой их кибердействительностью; стиранием географических границ и расстояний; навязыванием цифровых алгоритмов, логики и порядка его мыслительного процесса в ущерб его природному естеству.

Вехи новейшей истории. 26.03.2017 г. во всех крупных городах России прошла протестная акция «Он вам не Димон», посвященная одноименному разоблачительному фильму А. Навального и Фонда борьбы с коррупцией. Речь в нем идет об отрицании смысла дальнейшего нахождения председателя Правительства РФ Д.А. Медведева на этом посту и пресечения его возможного выдвижения в качестве кандидата в президенты России. Повсеместно участниками акции помимо прочих несогласных стали школьники и студенты – группа, определяемая социологами и политтехнологами как аполитичная. Если для участия в протестах на Болотной площади организаторы привлекали людей посредством социальной сети «ВКонтакте», пользователями которой преимущественно является молодежный контингент, то затем активно применялся другой ресурс – каналы «Телеграм», позволяющие осуществлять среди подписчиков анонимную массовую рассылку. Данный инструмент активно подменял средства массовой информации, проигрывающие из-за цензуры и времени выхода информационных материалов с момента появления новостного повода до его публичного освещения. Это говорит о том, что функции государства по консолидации молодежи принимают на себя политические инициативные группы, формирующие мотивацию у молодых людей не на основе фундаментальной национальной идеи, а на эмоциональном уровне одноразового удовлетворения ситуационных дефицитов и потребностей.

Можно спорить, что ценностные ориентации у представителей молодого поколения при этом остаются прежними и налицо применение манипулятивных технологий путем введения в заблуждение. Однако, став участником массовых протестов, разделив с другими шествующими отношение к происходящему, почувствовав энергию толпы, молодой человек однозначно меняет мнение по поводу тех или иных ценностей и выводит на первый план то, что диктует ему синергетический эффект большинства. Находясь в социальных сетях, личность, обладающая любыми физиологическими, нравственными, социальными или другими особенностями, а часто и отклонениями, всегда находит группу единомышленников, разделяющих его идеалы. Ценители творчества А.С. Пушкина, молодые ученые, спортсмены, инвалиды или националисты будут общаться с тем кругом лиц, декларируемые ценностные ориентации которых являются для них наиболее близкими и отвечают особенностям их мировоззрения. Опасен тот факт, что человек, обладающий социальными отклонениями, разделяемыми в социальной сети, искренне принимает это за норму. Если точки зрения по определенному вопросу единогласно придерживаются члены группы «ВКонтакте» или позитивно оценивают сверстники, то молодой гражданин имеет ложное убеждение в том, что все вокруг думают именно так. Система его ценностных координат формируется исходя из данного факта. Смещение ценностных ориентиров при этом выглядит очевидным.

Роль государства в определении национальной идеи. Что должно сделать государство? Как известно, если оно по каким-либо причинам не может выполнять своих функций в той

или иной сфере или делает это недостаточно качественно, то обязательно найдутся другие силы, которые подменяют собой государственную машину, заполнив образовавшийся вакуум, что подтверждает сказанное ранее. На заре перестройки и в «дикие девяностые» государство, не способное предложить никакой идеологической альтернативы социалистическим ценностям, ставшим к тому времени непопулярными у населения, было заменено криминальными структурами с их уголовными понятиями. Молодежь той эпохи при выборе управленческих решений, а также в повседневной бытовой жизни руководствовалась тезисами из негласного кодекса чести преступной России, что позволяло не оказаться в сложной ситуации и соответствовать правилам игры молодежного социума. Это может означать только одно – государство не должно оставаться в стороне от решения данной проблемы.

Каким образом определить глобальную идею, на какие критерии ориентироваться? Очевидно только одно – отталкиваться нужно прежде всего от ценностей самого молодого поколения. Пусть они разнообразны и не все отличаются благородством. Кроме того, молодежь не является однородной группой, она структурирована на подгруппы, и вопрос состоит в том, на основании чего осуществляется их ценностная консолидация. Однако это задача эмпирического исследования. Предстоит проделать титаническую работу по корректировке нашего общего морально-нравственного здоровья, конечно только в тех вещах, где это мыслится необходимым. Если сегодня мы не учтем всей специфики ситуации, останемся глухи и слепы к проблемам молодых людей и их ожиданиям, мы обречены потерпеть фиаско даже в таком важном вопросе, как определение объединяющей национальной идеи, способной вернуть величие России. Ведь именно молодому поколению предстоит воплотить национальную идею, а кроме того – сохранить и передать ее потомкам, как священный Грааль, не допустив влияния конъюнктуры.

Решение проблемы очевидно. За национальную идею необходимо принять национальную цивилизационную основу – воплощение уважения и признания самобытности каждого народа многонациональной России. Еще академик Д.С. Лихачев писал, что только культура делает из народа нацию. Что такое нация в предложенном контексте? Это историческая территориальная принадлежность, сохранение и изучение родного языка, культуры, традиций, исторических устоев и фактологических смыслов, развитие без утраты корней. Для многонациональной Российской Федерации это значит, что чеченцам нужно помочь оставаться чеченцами и жить на земле их предков. Русским – оставаться русскими. Вражду между народами порождает зависть, а не самоидентификация людей. Если калмык считает себя калмыком, испытывает чувство гордости от того, что он является частью великого народа, живет на земле прадедов, знает язык и особенности своего народа, которые отличают его от всех других и делают его в чем-то лучше всех, то ему нет смысла соперничать с кем-либо и проявлять враждебность к соседям. Он будет чувствовать себя частью великой истории нашего государства.

Роль Российской Федерации в данном контексте заключается в геополитической самостоятельности, преследовании собственных интересов и проецировании структуры мира, позволяющей удовлетворять эти интересы. В политической сфере Россия должна выходить из зоны зависимости от иностранных государств, при этом опираясь на статус военной сверхдержавы, легитимно расширяя экономические границы, а позже и политические. Отклик у молодежи найдет такая идея, которая приведет несистемных людей к естественной маргинализации. Однако подобный подход ни в коем случае не должен ограничивать выбор деятельностных сфер или способов достижения результата, но каждый, кто противопоставляет свои взгляды национальной идее, должен понимать, что он встает на путь социальной и экономической деградации.

Чтобы стать успешным в социальной и экономической сферах, молодой человек должен, во-первых, не быть асоциальным и принимать правила окружающей его среды; во-вторых, пройти все ступени образовательной системы, которая подготовит специалиста, способного в дальнейшем реализовать жизненные планы, опираясь на полученные профессиональные компетенции, соответствующие принятым стандартам. Другие пути социальной капитализации должны быть попросту ликвидированы. Это гуманно и демократично, если представители молодого поколения изначально будут осознавать, что любое непринятие норм социального поведения отбросит их назад и сделает невозможным достижение высоких результатов. В качестве примера можно привести полный запрет лицам с уголовным прошлым баллотироваться в законодательные и представительные органы власти независимо от того, погашена судимость или нет.

Таким образом, обязанность государства состоит в формировании ценностных ориентиров молодежи путем формулировки тезисов цивилизационного подхода развития России в качестве базовой части глобального мира. Значимый элемент данного процесса заключается в квалифицированном доведении этих тезисов до молодежи как непосредственного участника их воплощения.

Ссылки:

1. Национальная идея России : в 6 т. / под общ. ред. С.С. Сулакшина. М., 2012.
2. Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 г.: итоги социологического исследования : коллективная монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург, 2016. 205 с.
3. Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ – 2017 [Электронный ресурс] : отчет аналитического центра Ю. Левады. URL: <http://www.levada.ru/2017/08/22/16440> (дата обращения: 28.04.2018).
4. Ружа В.А. Представления студентов о Родине и формирование патриотизма // Студенчество начала XXI в.: ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург, 2012. С. 299–312.
5. Вишневский Ю.Р., Рубина Л.Я. Социальный облик студенчества 90-х гг. // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 56–59.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Социальное самочувствие ...
12. Там же.
13. Там же.
14. Hall J. Meditations and Vows (1605) // *The Yale Book of Quotations*. Yale, 2006. P. 610.
15. Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. М., 2012. 183 с.
16. I Am Not Afraid of Death: Interview with Alexander Solzhenitsyn [Электронный ресурс] // *Der Spiegel*. 2007. July 23. URL: <http://www.spiegel.de/international/world/spiegel-interview-with-alexander-solzhenitsyn-i-am-not-afraid-of-death-a-496211.html> (дата обращения: 28.04.2018).
17. Написано кровью: интервью Александра Солженицына // *Известия*. 2007. 24 июля.

References:

- Hall, J 2006, 'Meditations and Vows (1605)', *The Yale Book of Quotations*, Yale, p. 610.
- 'I Am Not Afraid of Death: Interview with Alexander Solzhenitsyn' 2007, *Der Spiegel*, July 23, viewed 28 April 2018, <<http://www.spiegel.de/international/world/spiegel-interview-with-alexander-solzhenitsyn-i-am-not-afraid-of-death-a-496211.html>>.
- Ruzha, VA 2012, 'Students' views on the motherland and the development of patriotism', *Studenchestvo nachala XXI v.: tsennostnyye orientatsii i povsednevnyye praktiki*, Yekaterinburg, pp. 299-312, (in Russian).
- Social and demographic portrait of Russia: based on the results of the All-Russian population census of 2010* 2012, Moscow, 183 p., (in Russian).
- Sulakshin, SS (ed.) 2012, *The national idea of Russia*, in 6 vols., Moscow, (in Russian).
- Vishnevsky, YuR & Narkhov, DYu (eds.) 2016, *Social well-being of youth in the Sverdlovsk region in 2015: the results of a sociological survey*, collective monograph, Yekaterinburg, 205 p., (in Russian).
- Vishnevsky, YuR & Rubina, LYa 1997, 'The social image of the students of the 1990s.', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, No. 10, pp. 56-59, (in Russian).
- Volkov, D & Goncharov, S 2017, *Russian media scene: the main media trends in 2017*, report of Levada Center, viewed 28 April 2018, <<http://www.levada.ru/2017/08/22/16440>>, (in Russian).
- 'Written in blood: an interview with Alexander Solzhenitsyn' 2007, *Izvestiya*, July 24, (in Russian).